

РАСКРЫВАЕМ КАРТЫ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Евгения Мерцалова

Раскрываем карты.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63470716

ISBN 9785005189455

Аннотация

Уже пять сотен лет загадочные карты Таро привлекают своей неоднозначностью и мистическим флёром. И эти карты мы решили раскрыть в новом литературном марафоне! Двадцать два многогранных образа воплотили наши авторы в своих историях – в самых разных жанрах, стилях, настроениях. Сборник «Раскрываем карты» познакомит вас с работами победителей марафона и погрузит в удивительную атмосферу настоящего творчества.

Содержание

От составителей	5
Вращение мира	7
Суеверия в грозовую ночь	11
Ошибка	19
В белом платье ангел нежный	21
Мамина любовь	26
Мисс Редфелс	28
La belle dame sans merci	36
Баба Яга	41
Царица золотых земель	50
Бирна	52
Матушка Эйлис	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Раскрываем карты

Сборник рассказов

Дизайнер обложки Евгения Мерцалова

Редактор Юлка Торшенко

Редактор Марианна Юркова

© Евгения Мерцалова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-8945-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От составителей

Литературных марафонов много, а Чумовой такой один. На этот раз марафон был вдохновлён таинственной, красочной колодой карт Таро, чей старший аркан подарил нам двадцать два многогранных образа. Вместе с нашими чудесными авторами мы раскрыли все карты – и получилось множество историй. Ярких, интригующих, мрачных, забавных, фантастических... самых разных! И в этом сборнике мы представляем вам лучшие из них.

Наши марафоны всегда открыты для новых авторов и читателей, и мы будем рады новым лицам в наших рядах. Приятного чтения!

Вращение мира

Лилия Слободенюк

Жизнь в Академии тянулась медленно и размеренно, без происшествий и потрясений. Равно как и жизнь Ринни. Не сказать, что девушке это не нравилось, просто... обучение колдовству и свои «лучшие годы» она представляла немного по-другому.

Ринни мечтала о любви. Так, чтобы до дрожи в руках и голосе, до томных писем и долгих разговоров в ночи, до молчания обо всём, так, чтобы раствориться и вынырнуть – собой, но немного лучше и счастливее, чем была до. Получала же она только короткие бесстрастные взгляды, дежурные замечания о новой причёске и несколько вынужденных разговоров ни о чем.

– Да брось ты, – твердили ей те немногие, кто знал о ее новой «несчастной любви». – Вокруг очередного красавчика вселенная не вращается.

Еще Ринни мечтала о дружбе. Так, чтобы до совместных безумств, до танцев под дождем или с огнем, до побегов на море и в другой город. Так, чтобы до совместной учебы, ночевки без сна до утра и собственной выпечки лишь для себя самих. Получала же она только порывистые объятия при встрече, парочку личных шуток, один секрет на каждого

и вечные обещания поговорить потом.

– А что ты хотела? – как-то услышала она, вытирая очередные слезы. – Только вокруг тебя их миры не вращаются.

И Ринни мечтала о знаниях. Так, чтобы в книгах и свитках хотелось тонуть с головой, раз за разом выискивая что-нибудь, чтобы каждое новое заклятие и отвар давались непросто, но приносили удовольствие потом, чтобы день ото дня магия вокруг увлекала и закручивала в свои водовороты только сильнее. А получала лишь угрюмые комментарии, что всё еще недостаточно хороша и сильна для выбранного пути и вряд ли когда-нибудь станет, что всех ее сил не достаточно. Вместо интереса и любви она получала только нежелание и отвращение.

От всего и всех Ринни часто сбегала в лес, начинающийся почти у самой Академии. Кричала в ночной воздух, выплакивала луне и небу все накопившиеся обиды и разочарования, читала деревьям стихи и пела траве песни, танцевала с ветром и первыми рассветными лучами, встречая солнце уже потом, в Академии, чашкой ароматного чая. Если выбраться не получалось, девушка просто часами из своего окна глядела на лес, забыв о сне и всех делах на завтра, вполголоса что-нибудь напевая. Она не сразу заметила, как что-то из леса начало смотреть на нее в ответ.

Ночи в лесу становились все темнее и темнее – тени сгущались вокруг нее медленно, но отчетливо и уверенно. Между деревьями все чаще и чаще мелькали чьи-то горящие рас-

плавленным золотом глаза. Ринни не могла не замечать их, но отчаянно делала вид, что не видит, и продолжала приходить, плакать, танцевать и петь. Может, была рада слушателям, может, просто не могла уже не приходить... а может, втайне ждала окончания этой нелепой игры в подглядывания.

И оно наступило, неожиданно и резко. Из чащи, откуда-то из темноты глубин леса высунулась когтистая, черная, как сама ночь, рука, длинными тонкими пальцами подзывая девушку к себе. А за ней появился и он – Хозяин ночи, Властелин теней и тьмы, о котором даже на уроках говорили, слегка понизив голос. Ринни подошла к нему почти неосознанно, хотя что-то внутри нее понимало – движется она сейчас только по своему желанию. Переливаясь словно бы живыми тенями, как клубок огромных змей, Хозяин задал ей всего один вопрос:

– Как тебя зовут, дитя?

Девушка задумалась лишь на секунду. И, не до конца отдавая себе отчет в происходящем, вместо осточертевшего уже сокращения тихо произнесла:

– Верена.

А после дни потянулись еще более однообразные и мучительные. Училась девушка все же неплохо и знала, что могла означать та странная встреча, которую она поначалу посчитала сном. Хозяин теней не показывался просто так, тем более не заговаривал без всякой цели. Она знала: стоит ей

еще раз так вернуться в лес, одной и под светом луны – и он предложит ей уйти с ним, стать одной из его дочерей, бесплотной тенью, колдующей тьмой. Все поголовно, с кем она только ни пыталась завести об этом разговор, тут же отвечали, что это самая ужасная участь, которая только может постичь ведьму, и избежать второй встречи с Хозяином стоит любой ценой. Но Ринни – Верена – не была уверена в том, что ей следует делать.

– Прекратите витать в облаках, мисс! – скрипучий голос преподавателя словно окатил ее ледяной водой. – Слушали бы лучше мои лекции, рано или поздно вам всё же перестанет везти на экзаменах! Этот мир не крутится вокруг вас, мисс, так будьте добры уделить и ему минутку внимания.

Стало ли именно это последней каплей – Верена не знала. Просто ясно ощутила, что больше не может находиться здесь, не может смотреть на жизнь, которая разваливается и рушится в ее руках, которую ей никак не собрать обратно и во что-то, что устраивало бы ее саму, не может больше быть «правильной» для всех вокруг, не лезущей к кому не надо и куда не надо, тихо сидящей в сторонке и наблюдающей, как весь мир проходит где-то рядом, но мимо. Решение было принято быстро и на удивление уверено.

– Мир не вращается вокруг меня, а? – уже вечером Верена стояла у стен академии, глядя на лес, раскинувшийся впереди, к которому бежала узкая, едва заметная тропка. – Что ж. Значит, я заставлю его вращаться.

Суеверия в грозовую ночь

Любовь Наточий

Небо заволочли чёрные тучи. Улицы небольшой деревеньки начали стремительно пустеть. Жители бросили свои дела, наскоро загнав скот в собственный хлев и сняв с верёвок ещё влажное бельё. Людей пугал не столько приближающийся ливень, сколько раскаты грома, обещающие сильную грозу.

Усиливающийся ветер начинал отрывать и уносить вдаль разноцветные флажки, которыми была украшена праздничная площадь, где ещё вчера всё местное население танцевало и веселилось после очередного жервоприношения. Нет, люди не приносили головы животных в дар богам, они боялись куда большей напасти, которой требовалось нечто большее.

– Опять гроза, да что ж такое! – произнёс со злостью глава одного из семейств, ударив рукой по столу. – Посевы скоро совсем затопит из-за этого колдуна, чтоб ему пусто было.

– Да, только вчера бедную девушку отправили, уже третью за этот год. Видимо, опять не по вкусу, – согласилась женщина со своим мужем, попутно накрывая обеденный стол, – видать, скоро вернётся, как остальные: вся в грязи, синяках да ссадинах.

– Да не осталось уже в этой деревне красивых и молодых

девушек, последняя вчера ушла, а те, кого ещё не отправляли, либо слишком малы, либо староваты для юных дев, – мужчина поймал грозный женский взгляд и мгновенно стусшевался, понимая, что сказал что-то не то, отчего как можно скорее добавил: – А тебя я ему не отдам, самому такая красавица нужна.

Женщина явно была не в восторге от услышанных слов, но быстро сменила гнев на милость, не желая портить день.

– Пойду детей позову за стол. И только попробуй стащить хоть что-то, пока никого нет, как в тот раз! – бросив грозный взгляд, женщина скрылась за дверью, не заметив, как её благоверный показывает язык, задаваясь вопросом: кто же всё-таки в этой семье главный?

Тем временем на улице началась гроза. На отшибе леса перед дверью дома уже несколько минут мялась молодая девушка, не решаясь постучать в дверь. Со светлых волос и легкого белого платья ручьями стекала вода.

Промокнуть до нитки было не так страшно, как подойти ближе к двери. Всё же осмелившись, девушка сделала два шага вперёд, постучала и, не услышав никаких звуков по ту сторону, вздохнула с облегчением. Однако дверь предательски скрипнула, что заставило скромницу вздрогнуть. Вдохнув полной грудью, девушка всё же вошла в жилище, но никого не увидела. Закрыв дверь, девушка после недолгой паузы решила пройти по коридору, ведь на вопросы вроде «Тут кто-нибудь есть?» ответа не было.

В коридоре было несколько проходов, но лишь из дальней комнаты за лестницей исходил свет сквозь щель под дверью. Осторожно подкравшись, она протянула руку и надавила на дверную ручку. За письменным столом над распахнутой книгой склонился на удивление молодой темноволосый мужчина, а никак не старый, отвратительный дед, каким обычно его рисовало воображение. Взгляд читавшего медленно поднялся и застыл в удивлении.

– Я лесник, колдун дальше по тропе, – брови мужчины опустились, отчего взор казался немного угрожающим.

– Я по пути забрела к леснику, не думаю, что в этом лесу есть ещё один.

– С чего вы взяли, что это был не тот, кто вам нужен?

– Я его встретила ещё вчера. Был поздний вечер, он пустил меня переночевать и много рассказал о своей работе, а утром указал в вашу сторону. И я узнала от него слишком много новых слов, которые в приличном обществе не называют, так что он точно был лесником, – голос девушки беспомощно вздрогнул в конце фразы, а голова вжалась в плечи от осознания собственной прямоты.

Мужчина откинулся в кресле и потёр переносицу, будто не понимал, что происходит.

– Для начала, вы кто вообще? На грабителя не походите.

– Я Мария, вы меня из деревни украли.

– Я вас не крал, вы сами пришли, без приглашения ворвались в мой дом и помыли мои полы своей одеждой, – мужчи-

на возмущался и недоумевал одновременно. – Возвращайтесь домой. И не приходите больше.

– Но как же жертвоприношение?

– Вы из секты? Я этим не увлекаюсь, покиньте мой дом наконец! – от повышенного тона девушка в очередной раз вздрогнула.

– Но вы же колдун! Я почти уверена.

– Почти? – хозяин дома, очевидно, начал уставать от этой беседы, а голос звучал уставшим. – Я всего лишь маг-учёный, никакие незнакомки мне здесь не нужны, жертвоприношения тем более.

Раскаты грома заглушили все остальные звуки, доносящиеся с улицы, а вспышка молнии на мгновение сделала комнату светлее. Мужчина медленно повернул голову к окну и снова взглянул на девушку, что-то обдумывая, после чего обречённо вздохнул, прикрыв глаза.

– Ванная комната за второй дверью слева, полотенца в верхнем шкафчике, – маг медленно встал из-за стола, вышел из комнаты, служившей, очевидно, небольшой библиотекой, щёлкнул пальцами, и свет заполнил весь коридор. – Но когда гроза кончится, вы исчезнете так же, как и появились здесь.

Глаза Марии, ранее избегавшие взора хозяина дома, засветились восторгом.

– Как... Как вы это сделали? Я не вижу ни свеч, ни ламп.

– Одно из простейших заклинаний, – мужчина сложил ру-

ки на груди. – Будьте так добры, идите в ванную, полы не выдержат такого количества влаги и глупых вопросов.

Девушка чуть не подскочила от вновь повышенного тона, и, отыскав нужную дверь, скрылась за ней, но вновь выглянула и посмотрела на мага.

– Прошу прощения, но моя одежда промокла, у вас не найдётся чистой?

– Не увлекаюсь переодеванием в женщин. Но можете взять халат с крючка.

– Ношенный? – поморщив нос, предположила Мария, на что маг лишь наигранно развёл руками.

– Этот запасной, так что чист. Но если пожелаете прогуляться по моим покоям без одежды... – на этом моменте дверь в ванную резко захлопнулась, из-за неё послышалось обиженное: «Грубиян!»

Покинув ванную комнату, девушка заметила открытый проход в одну из комнат, где она ещё не была. Это была гостиная, у стены напротив двери стоял зажжённый камин, около которого расположилось несколько кресел вокруг журнального столика, где стоял чайник с двумя кружками. У других стен стояли шкафы, содержимое которых было скрыто от глаз.

– Проходите и усаживайтесь, – только сейчас Мария заметила мага, сидящего в одном из кресел, который только потянул руку к чайнику, чтобы разлить его содержимое по чашкам. – Прошу меня простить, я не привык принимать гостей

и, возможно, был груб.

– Возможно? – девушка прошла к свободному креслу, чтобы присесть.

– Меня зовут Геннадий, можно просто Гена, – маг решил пропустить высказывание гостьи мимо ушей, но не смог не закатить глаза. – Предлагаю перейти на «ты».

– Тогда я просто Маша. А ты совсем не похож на колдуна, которого мне описывали в деревне.

– Я кто угодно, но точно не злой пенсионер, требующий новую кровь, но людям об этом не рассказывай, а то начнут приходить как к себе домой.

– А что случилось с другими девушками?

– Другими? Ты первая, кто сюда пришёл.

– Но только в этом году до меня отправляли ещё двух, все вернулись в синяках и ссадинах.

– Об этом спрашивай не меня, а их, – нервно дёрнувшаяся бровь выражала некоторое раздражение Геннадия.

– Но их провожали двое взрослых мужчин. Ну, не совсем провожали, скорее, насильно вели.

– Это многое объясняет. Кто знает, что они творили с «жертвами», но я в этом участия не принимал и уж тем более не держал им свечку, – маг взял в руки чашку с подостывшим чаем и сделал глоток. – И где же твоя охрана?

– Вчера был праздник, которым обычно провожают тех, кого отводят в лес, – Маша решила последовать примеру собеседника и потянулась за чаем. – Я не хотела, чтобы ме-

ня тащили, как остальных, и улизнула, пока все веселились, в итоге попала к лесничему.

– Решила поиграть в героя? Неблагодарное это дело. Стоп, я не ослышался? Вы ещё и празднуете подобные события? И это я злой колдун? – впервые за всё пребывание гостя в его доме маг издал смешок. – Какая беззаботность.

– Так люди скорее поднимают настроение, наши посевы гибнут из-за частых ливней.

– И, конечно же, виноват в этом я? Человеческая глупость поражает, собственно поэтому я в поселении появляюсь крайне редко.

Девушка, улыбка которой быстро померкла, опустила голову, задумавшись о чём-то своём, пока в голове не возник новый вопрос.

– Не расскажешь, что находится на втором этаже?

– А ты чересчур любопытная, совсем расслабилась?

– Я тебя не заставляю отвечать, – надула щёки девушка.

– Как я уже говорил, я маг-учёный. Создаю новые заклинания, зелья и занимаюсь алхимией. Наверху лишь моя спальня и лаборатория. И малознакомым людям я туда заходить не позволяю.

– Иными словами: никому не позволяешь? Как скажешь, подглядывать не буду, – ухмыльнулась Маша. – Не будешь против, если я снова зайду как-нибудь?

– Даже если я скажу, что против, тебя это вряд ли остановит, верно? Приведёшь хоть кого-нибудь, разолью его

по пробиркам.

После недолгого смеха, который какое-то время наполнял комнату, последовало молчание. Каждый погрузился в собственные мысли. Только спустя несколько минут хозяин жилища привлёк внимание короткой фразой: «Дождь. Он закончился».

Ошибка

Варя Хворостянова

Они сказали, это всего лишь на полгода, а потом я смогу вернуться. Для хирурга полгода без практики – крест на карьере. Прошло уже девять месяцев, но звонка так и не было.

Меня, хирурга высшей категории, метившего на пост главврача, сослали в богом забытую деревню. И кем? Простым занюханым фельдшером! Это конец...

Продажный чиновник лег на мой операционный стол. По его распоряжению многоэтажный дом не признали аварийным. В один зимний день он сложился, как карточный домик. Столько смертей в один день я не видел никогда. Многие пострадавшие не дождались помощи.

Я помню маленьких брата и сестру. Девочка умерла по пути в больницу, а мальчика удалось спасти. Но ненадолго... Узнав о том, что любимой сестрёнки больше нет, он ушел вслед за ней. Не пережил...

Я сделал так, чтобы та тварь не очнулась. Хотя, наверное, он слишком легко отделался. Нужно было устроить ему смерть помучительней.

На той операции мне ассистировал друг. Он все понял. А после сказал, что у меня не было права вершить самосуд. Я должен спасать людей, а не убивать кого вздумается, при-

крываясь белым халатом.

Но кто бы ещё это сделал? Кто? Имея деньги и власть, они могут закрывать глаза на все свои гнусные поступки. Могут выкручиваться из любой ситуации. Совесть? А разве у таких людей она есть?

Я имел право. Я спасал тех, кого он погубил. Я спас тех, кого он погубить не успел...

Меня уберегли от врачебной ошибки и списали летальный исход на несчастный случай. Внезапно оторвавшийся тромб стал причиной смерти пациента. Мгновенно. Ни один врач не успел бы ничего сделать.

Я хочу вернуться. Должен вернуться. Но я не жалею и точно уверен, что поступил бы так же ещё раз.

В белом платье ангел нежный

Жюли Торш

Златокудрый ангелочек, закутанный в белоснежную кружевную простынь – такой увидел герцог свою младшую дочь через полчаса после рождения и нарек ее Клэр. Матушка не возражала, она только что дала жизнь этой малютке, и, конечно же, не могла сомневаться в ее чистоте.

Первые годы жизни девочки были безоблачны и наполнены радостью и безмятежным спокойствием. Но вскоре пришла первая гроза. Трехлетняя Клэр в белом атласном платье с лентами в волосах, отправившаяся с няней на прогулку, выглядела, словно фарфоровая кукла. И семья, и их гости, и прислуга – все восхищались маленькой прелестницей, кроме той самой няни. Ведь именно ей приходилось терпеть все капризы своей подопечной. Девушка неплохо выполняла свою работу, никогда не обижала малышку, но однажды не сдержалась и обронила всего одну неосторожную фразу: «Вредная ты кукла! Хотела бы и я получать столько почестей, столько внимания, ничего не делая, а просто плывя по течению!»

Клэр вряд ли понимала, о чем толкует няня, но кто-то из челяди слышал эти слова и донёс на следующий день герцогине. Та была доброй женщиной и не собиралась наказы-

вать девушку за подобное, но сочла необходимым сделать ей замечание. Вот только разыскать ее не могла до самого вечера. А на следующий день няня обнаружилась сама, но уже мёртвая – изувеченное тело плыло по реке, привлекая к себе внимание ворон и зевак.

В расстроенных чувствах направилась герцогиня к дочери, чтобы сообщить ей о случившемся. Но малышка только рассмеялась в ответ. Конечно же, она была слишком мала, чтобы понимать, что няня оставила её навсегда!

Клэр росла, оставаясь всё тем же ангелочком. Отец в ней души не чаял настолько, что напрочь забыл про существование у него других детей. Даже на пятнадцатый день рождения Мелоди, старшей его дочери, шикарное атласное платье, расшитое жемчугом, получила почему-то восьмилетняя Клэр. Именинница разозлилась и не преминула сообщить сестре, что пусть та и смогла полностью подчинить отца, но это всё временно, ибо когда-нибудь титул достанется их среднему брату Патрику, и уж тот сумеет совладать с чертовкой. Через месяц Патрика не стало.

Тем временем герцогиня вновь забеременела. Мелоди и так мало интересовала родителей, а вот тот новый ребенок вполне мог украсть их внимание и любовь... Но этого не случилось – и мать, и дитя умерли при родах.

В свой первый выход свет Клэр в своём белоснежном наряде затмила всех дам на балу. Взгляды были прикованы только к ней, все кавалеры были у её ног. Но одно обстоя-

тельство всё же смогло сильно расстроить дебютантку – папенька, он почему-то в этот вечер говорил со своими знакомыми не о ней, а о Мелоди.

Старшей дочери Герцога в ту пору было уже почти двадцать, и сейчас отец пытался устроить ей выгодную партию. И ведь сговорился, помолвка обещала быть отличной во всех отношениях: помимо чисто политических преимуществ оказалось, что молодые люди еще и симпатизируют друг другу. Всё шло к тому, что на ближайшие пару лет звездой в этой семье стала бы Мелоди. Так бы оно и произошло, если бы в жизнь сестер не вмешался некий Улан, оказавшийся вдобавок шпионом другого государства. Как бы ни клялась Мелоди, что у нее ничего не было с этим мужчиной и быть не могло, сами собою случались странные и чудовищные совпадения, и в итоге девушке пришлось бежать из страны.

Пять лет Клэр хозяйничала в замке, заставляя отца потакать всем своим капризам и прихотям. Она давала роскошные балы, ставила спектакли, нанимала самых именитых поэтов и музыкантов.

Но в какой-то момент Клэр поняла, что этого недостаточно. И тут ее взор пал на соседнее княжество. Князь был стар, немощен и безумно богат. Был, правда, у него один изъян – он был женат. Впрочем, девушку это не остановило, очень быстро она соблазнила князя, а уж там сослать его благоверную в монастырь не составило большого труда. И вот золотухой ангел в белоснежном наряде из перьев стоит у алта-

ря, готовясь стать наконец княгиней.

Клэр была уверена, что муж очень быстро покинет их райское гнездышко, но почему-то смерть к нему не торопилась. Хуже того, князь начал слепнуть, и вскоре чары супруги перестали на него действовать – никаких тебе пиров, балов и концертов, никаких растрат и самолюбования. Двадцать лет Клэр ждала того часа, когда сможет назвать себя полноправной хозяйкой своих земель, двадцать лет молила всех богов, которых только могла припомнить, чтобы они сделали ее вдовой. Полжизни в безвестности и тишине.

А князю тем временем шел уже девятый десяток. Осознав, что высшие силы отвернулись от нее, Клэр взяла дело в свои руки. Ей удалось отравить мужа, но праздник был недолгим, ибо князь, как оказалось, передал и титул, и всё свое состояние собственной дочери от первого брака. Вдова осталась ни с чем. В белом траурном платье пришла она с похорон, и тут же посыльный вручил ей письмо. «Герцог умер, вы его единственная наследница», – говорилось там.

Клэр хотелось плакать и смеяться одновременно. Отец, пожалуй, был единственным человеком, которого она любила, но всё же себя она любила куда больше, и потому мысль о том, что скоро она действительно станет «хозяйкой своих земель», грела ее пустое сердце.

Вот только не знала она, что всё свое состояние герцог давным-давно растратил на те самые балы, что устраивал для дочери. За двадцать лет он так и не смог рассчитаться с кре-

диторами, а потому всё, что досталось Клэр в наследство – это долги, долги и поруганное семейное имя.

Мамина любовь

Лёля Карпенко

Сын проснулся опять не в настроении. Что-то недовольно ворча себе под нос, он умылся, позавтракал и уселся смотреть телевизор. Мать вздохнула и принялась переодевать мальчишку.

– Я сегодня в садик не пойду, – заявило дитяtko, когда мама подняла его и понесла в коридор обуваться.

– Это почему же? – удивилась женщина.

– Настроения нет, – проворчал сын.

– Ну что ж, тогда я тоже не пойду сегодня на работу.

– Правда?

– Конечно.

– И мы пойдём в парк? – обрадовался ребёнок.

– Нет, милый.

– Почему?

– Денег не будет.

– Почему?

– Потому что я прогуляю работу и мне не заплатят.

Они вышли на улицу.

– Тогда я посижу один, – упрямыствовал малыш.

– Тебе станет скучно и захочется кушать, – улыбнулась мама. – А в садике тебя покормят, с тобой поиграют.

Они дошли до детского сада, и ребёнок взглянул на маму:

– А ты будешь скучать?

– Конечно, милый.

В обеденный перерыв у матери зазвонил телефон.

– Мама, ты была права. Всем мальчишкам только одного и надо. Можно я вернусь домой?

– Конечно, дорогая. Двери дома для тебя всегда открыты.

Ей ещё предстоял долгий разговор с мужем, записавшим сбежавшую из дома дочь в разряд падших женщин. Но мать знала, что сумеет успокоить супруга, утешить дочь и найти общий язык с сыном. Ведь не зря же она работает психологом.

– Заполните вот этот тест, – говорит она очередной клиентке. А у самой невольно мелькает мысль: «Сапожник без сапог». Женщина улыбается.

– Всё в этой жизни можно преодолеть. Любую ситуацию исправить, пока мы живы. Главное – не сдаваться, – говорит она то ли клиентке, то ли себе.

И вечером, после семейного ужина, напряжение последнего месяца скатывается, словно снежный ком. Дочь вновь готова слушать родителей, сын засыпает без слёз, а муж не закуривает сигарету перед сном. Мать улыбается своим мыслям и чувствует, как чёрная полоса сменяется белой.

Мисс Редфелс

Дмитрий Морфеев

– Эй, новенький, просыпайся!

Томас с трудом открыл глаза, с удивлением обнаружив рядом незнакомую девчонку.

– Ты кто?

– Кессиди, – невозмутимо ответила она.

– И как ты попала к нам в дом?

– Так же, как и все. Меня нашла мисс Редфелс.

Том уже успел оглядеться вокруг: такой комнаты в доме его семьи никогда не было. У противоположной стены стояли ещё две кровати (уже идеально заправленные). Точно, он потерял своих сопровождающих из виду вчера на ярмарке. Но о дальнейших событиях память предательски умалчивала.

– Кто такая мисс Редфелс? И где мои родители?

– Мисс заботится о нас, а ещё ищет наших родителей. Да что рассказывать, сам скоро всё увидишь. Нам надо поторопиться! Завтрак вот-вот начнется. Мисс не терпит опозданий.

Томасу ничего не оставалось, как наскоро облачиться в приготовленную ему одежду и последовать за девочкой.

Они успели вбежать в столовую и смешаться с другими

юными носителями серой формы за мгновение до прихода мисс. За столом разом все стихли, в зале же заметно посветлело, как только она вошла.

Это была статная молодая дама в закрытом зеленом платье с высоким воротом, подчеркивающим изящество шеи. Томас ещё мало понимал в женщинах, но даже ребенку была очевидна её красота: густые каштановые локоны, белоснежная кожа, выразительные черты лица.

Стоило ей подойти к высокому резному стулу во главе стола, отличному от всех остальных стульев в столовой, как все мальчики поднялись со своих мест, молча приветствуя эту таинственную госпожу. Том успел повторить за всеми.

– Спасибо, Уильям, – произнесла дама в сторону мальчика, что придвинул за ней стул, достойный императрицы.

Голос её звучал ласково и доброжелательно, но чувствовалась в нём и скрытая сила. За столом мисс Редфелс держалась строго, иногда проявляя заботу о ком-нибудь из присутствующих.

Томас всё не мог приступить к трапезе, украдкой осматривая обстановку и окружающих. Мисс привлекала особое внимание: она казалась прекрасной, но что-то неуловимое проскальзывало в её натуре. Благодаря природной наблюдательности мальчик наконец приблизился к разгадке. Мисс явно считалась здесь лучше и выше всех остальных: «стул императрицы»; её фарфор украшали золотые узоры, когда как у детей вся посуда была белая, без завитушек; даже цвет

её платья – живительный изумрудный – слишком контрастировал со светло-серой формой. Конечно, все эти отличия можно было списать на признак огромного уважения, на особый вид иерархии. Но выраженность этого неравенства не давала Томасу покоя.

Когда девочка, прислуживающая в то утро за столом, наполнила чашку с золотым ободком ароматным чаем, в глазах госпожи сверкнуло надменное удовольствие. Том это заметил, но, к несчастью, мисс Редфелс тут же поймала его взгляд.

– Кессиди, – произнесла она, растянув губы в улыбке, не обещавшей ничего хорошего, – кажется, ты забыла напомнить новенькому наши правила столового этикета.

– Простите, мисс Редфелс, на это совсем не хватило времени, – девочка понуро опустила голову.

– Она не виновата, – вдруг сказал Томас, желая как-то исправить положение. – Что до этикета, полагаю, я и так с ним знаком.

В глазах красивой госпожи запыхлели опасные огоньки. Мальчику даже сделалось дурно.

– Правило первое: не перебивать, когда говорят старшие! – тщательно выговаривая каждый слог, произнесла мисс Редфелс. – Правило второе: всякому благочестивому ребенку за столом надлежит заниматься своей порцией, а не глазеть по сторонам! Ты же благочестивый мальчик, Томас?

Том ощутил давящую безвыходность. От него ждали один-единственный ответ и о возражениях не могло быть и речи.

– Да, мисс. Простите, – мальчик смиренно опустил взгляд в тарелку, уподобившись остальным.

– Прекрасно, что ты схватываешь на лету, – голос мисс Редфелс обрел прежнюю мягкость.

В тот день Томас более не рискнул искать приключений на свою голову, стараясь никак не выделяться. Потому он даже не спросил мисс Редфелс о родителях и о подробностях своего попадания в приют. Более того, первое впечатление, произведенное блистательной госпожой, породили в его голове мысли о побеге. Но сперва он решил получше разведать обстановку.

Когда за окном уже было ничего не разглядеть, кроме тусклых фонарей на мостовой, в столовой снова возникло какое-то оживление. Дети пили перед сном какой-то отвар, наполняя один за другим свои фарфоровые чашки из удивительной мраморной чаши.

– Что это такое? – не сумев скрыть подозрения в голосе, осведомился Томас у Кесс.

– Молоко от кошмаров, – с видом полной осведомленности ответила та, что негласно опекала новенького. – Попробуй, и увидишь такие яркие сны, каких не видел никогда прежде.

Девочка помогла ему наполнить чашку. Белая субстан-

ция источала горьковатый цветочный аромат и не вызывала у мальчика никакого энтузиазма. Он припомнил слова своего дяди, занимающегося врачеванием: «Запомни, Томас. Никогда не принимай лекарства, состав которого тебе не знаком, если на то нет особой надобности». Но по лицу Кесс Том понял, что и здесь у него нет права выбора. По крайней мере, открытого.

Он пригубил из чашки настолько маленький глоток, насколько смог, и сразу поморщился.

– Горько, да? – засмеялась Кессиди. – Ничего, в первый раз всегда так, а потом тебе даже понравится.

Том с тревогой дождался удобного момента, когда никто не смотрел в его сторону, и быстро вылил содержимое чашки в огромный горшок, служивший прибежищем пальме.

Мальчик рассудил, что проще всего будет улизнуть из приюта глубокой ночью, когда все обитатели уснут. Однако совершать побег в первую же ночь, ещё плохо ориентируясь в стенах приюта, посчитал делом не слишком разумным.

Ночью его разбудил шорох на другой стороне комнаты. Лежа на боку, Том смог разглядеть, как кто-то стащил спящего Уильяма (что помог мисс Редфелс за завтраком) с кровати на длинное покрывало и медленно поволок в коридор. Томас застыл от страха, не в силах пошевелиться. В грозившей опасности он почему-то ничуть не сомневался, но что было делать? Будить детей, выпивших цветочное варево, казалось ему занятием бесполезным. Обратиться к мисс Ред-

фелс выглядело ещё более безумной затеей, да он и не знал ещё, в какой части дома последняя обитает. Единственным выходом было искать помощи вне приюта, на улице.

Сложно было решиться высунуть нос в коридор, но сделав первый шаг, мальчик убедился, что вокруг стоит непроходимая тишина. Это немного придало ему сил. Прокравшись, будто преступник, на первый этаж, он устремился к парадным дверям. На удивление, они были не заперты. Стоило Томасу оказаться на свежем воздухе, как он пулей вылетел со двора на мостовую.

Мальчик долго бежал от фонаря к фонарю, не узнавая местности. В боку закололо от долгого бега. Но куда более значительные трудности занимали мысли Тома. На улицах ему не встретилось ни единой души: ни констебля, ни бродяги, ни компании джентльменов, поздно возвращавшихся с затянувшегося приема. Стучать в дома он не решался, поэтому продолжал свой путь в надежде все-таки наткнуться на кого-нибудь. Обессилив от своих скитаний, Томас решил искать место для привала. Тут ему улыбнулась удача, он пробрался в подвал какого-то дома через приоткрытое окно.

В подвале пахло затхлостью, но было тепло и сухо. Поэтому, повалившись на какую-то ветошь, мальчик быстро уснул.

– Новенький, просыпайся! Ну что ты будешь делать?! Снова из-за тебя мы можем опоздать на завтрак!

Том распахнул глаза и снова увидел лицо Кессиди, чего

никак не ожидал. Воспоминания о ночных происшествиях лишили его всякой возможности отвечать на суетливые причитания девочки.

В столовой Томас искал Уильяма среди присутствующих. Он уже успел придумать себе рациональную версию, что все ночные приключения могли просто присниться ему. Но для подкрепления такого объяснения требовалось увидеть соседа по комнате, однако последнего не было среди ребят. Его стул остался пустым.

Том в смятении смотрел на кашу в своей тарелке. Когда он наконец поднял взгляд, то первое, что бросилось ему в глаза – понурые листья пальмы. Растение, которое ещё вчера дышало свежестью, сегодня выглядело заболевшим.

– Томас, дорогой, как тебе спалось на новом месте? – внешне раздался нежный голос мисс Редфелс.

У мальчика чуть сердце не выскочило из груди, но собрав остатки самообладания, он посмотрел на хозяйку приюта.

Сегодня она была ещё прекраснее, чем прежде. Щеки приобрели здоровый румянец, черные глаза блестели.

– Прекрасно, мисс Редфелс, – как можно спокойнее ответил Том. – Но могу ли и я задать вопрос?

– Конечно, о чем ты хочешь узнать? – довольная вежливостью мальчика, мисс засияла.

– Где Уильям? – Томас отважился заглянуть госпоже прямо в глаза.

– Ах, ты ещё не слышал? – ответила она как ни в чем

не бывало. – Его забрали родители.

– Простите, мисс, но когда? Я совсем не успел с ним попрощаться.

– Увы, прощание было невозможно, ведь его родители достигли нашего приюта глубокой ночью, когда вы все, мои дорогие крошки, крепко спали, как и надлежит послушным детям.

На последних словах мисс Редфелс сделала едва заметный акцент. Том сообразил, что сегодня ему более не положено ни о чем спрашивать.

– Наш Уилли, – сладко вздохнула мисс через некоторое время, – как же нам всем будет его не хватать, – с этими словами она поправила белоснежные перчатки, которые никогда не снимала, и продолжила пить чай.

La belle dame sans merci

Марианна Юркова

Крики за окнами не прекращались уже вторые сутки, не стихая даже после заката. Констанс не могла заснуть днём и не хотела выходить вечером, но было ясно, что отсиживаться вечно не получится. И что тяжёлые двери не могут бесконечно сдерживать революционно настроенных горожан. Поэтому Констанс лежала в постели, созерцая потолок, и просто позволяла себе ещё немного оттянуть неизбежное.

Она знала, что всё к тому и приведёт. Кризис последних лет подточил терпение, аристократия изживала себя, и Констанс предсказывала что-то подобное ещё с год назад, как только начались неурожай. Сейчас она была готова, но легче от этого не становилось.

В дверь спальни мягко постучали.

– Моя госпожа, к вам гость. Он не представился, но сказал, что вы поймёте.

Констанс закрыла глаза и шумно выдохнула. Да, она прекрасно поняла.

– Позови служанку, – отозвалась она. – А гость пусть подождёт.

Там, за окном, сейчас рушился старый мир. И на его руинах предстояло строить новый. Но пока что оставались по-

следние минуты, когда можно было представить себе, что всё в порядке.

Служанка, молчаливая и печальная, одевала Констанс в роскошное платье – по последней моде (грустная ирония), её любимого нежно-розового оттенка. Укладывала в высокую причёску светлые кудри, украшала перьями, надевала драгоценности, обувала ноги в шёлковые туфельки в тон.

Констанс была прекрасна. Она это знала, и она пользовалась этим беззастенчиво, выстраивая вокруг себя армию поклонников и обожателей, пользуясь ими умело и аккуратно. В зеркале она видела сейчас осколок рушащегося мира – роскошный, напудренный и изысканный. В последний раз.

* * *

В просторную гостиную, освещённую лишь светом нескольких свечей у дивана, Констанс вошла с гордо поднятой головой.

– Моя маленькая Штанце, – по-немецки произнёс гость, усмехнувшись и окидывая её долгим оценивающим взглядом. Ничто в лице Констанс не дрогнуло, она лишь вопросительно взглянула на него, и гостю пришлось подняться и поклониться ей. Лишь после этого красавица изволила грациозно опуститься на широкое кресло напротив и распахнуть веер, томно обмахиваясь им.

– Тебе надо бежать, моя прелестная Штанце. Ты построила здесь своё маленькое королевство, не так ли? За тебя готовы головы сложить.

– И сложат, – холодно проронила Констанс по-французски. – Зачем ты пришёл, Мишель? Я не звала тебя. И в прошлый раз мы попрощались.

– Я никуда не денусь из твоей жизни, дорогая.

– Неужели? – Констанс чуть склонила голову. В светлых голубых глазах невозможно было что-то прочесть, красивое напудренное лицо хранило совершенно бесстрастное выражение.

Маленькое королевство. То, что она построила своими руками: шаткий остров равновесия в городе, подчиняющемся луне, а не жажде крови. Лесть, подкупы, убийства, любовные интриги, Констанс не стеснялась никаких средств. Она была не одна: с ней была её верная свита, выбранная с тщанием самого пристрастного ювелира.

И она была в ответе не только за себя, но и за них.

– Я пришёл протянуть тебе руку, моя Штанце. Руку помощи. Взгляни на себя. Ты – хрупкая драгоценность. Ты не можешь достаться им.

– Кто сказал, что я достанусь?

Михаэль подошёл к ней, опустившись на колени рядом с пышной юбкой, и не успел ничего сказать, как в лоб ему упёрся сложенный веер.

– «Твоей маленькой Штанце» больше нет. И здесь ты должен говорить по-французски. Уходи, Мишель, пока я не передумала.

– Мы ещё встретимся.

– Молись, чтобы нет. Жак! Проводи моего гостя. Он уже уходит.

Лакей вынырнул словно бы из ниоткуда, острым взглядом уставившись на Михаэля. За приоткрытыми губами были видны острые клыки.

– Встретимся, моя маленькая Штанце.

Констанс в это мгновение хотела вцепиться ногтями в его горло, разодрать, окрасить кровью свой роскошный розовый наряд. Но это значило бы проиграть.

Она больше не проигрывает.

В гостиную робко заглянула служанка, и Констанс внезапно улыбнулась:

– Мари, милая. Я видела, недавно ты ходила на ярмарку. У тебя был такой славный наряд в тот день. Скажи, тебе нравятся мои платья? Или мои украшения?

* * *

Тяжёлые двери снова задрожали от ударов с той стороны. Все мужчины этого дома сейчас собрались около неё, в ужасе понимая, что не смогут сдержать недовольную толпу.

– Откройте двери! – послышался вдруг голос хозяйки с лестницы, и они обернулись. В простом платье, с убранными под чепец волосами Констанс выглядела словно даже моложе и ярче, чем она была. – Впустите их! Мы на одной стороне с ними.

– Но госпожа...

– Госпожа? – вскинула брови Констанс. – Та, что сбежа-

ла сегодня со своим несчастным ухажёром, оставив свои богатства на разорение служанкам? О, не беспокойтесь за неё. Справедливое возмездие наверняка их настигнет.

Чтобы построить новый мир, не обязательно рушить старый. Достаточно просто отказаться от него, каким бы тяжёлым ни был этот шаг. И Констанс смело шагнула вперёд, отрекаясь от себя во имя нового витка истории, готовая войти в него с гордо поднятой головой и провести за собой свою маленькую свиту.

Баба Яга

Елена Ольцман

Кто из вас не читал сказок про злую, коварную, страшную Бабу Ягу?

А не задумывались ли вы о том, откуда она взялась и почему про нее так много слухов ходит на Руси? А может и правды в них лишь на грош? Задумались? То-то! Слушайте.

Давным-давно, уж и забыли все когда, жила-была в селе Якишкино симпатичная статная девушка Акулина Егоровна: круглолицая, щёчки румяные, губки пухлые, глазки ясные, нос хоть и великоват и крючковат, но не портил красавицу, только шарм придавал. Жила она бедно, но достойно.

Когда ей было семнадцать лет, она осталась сиротой с девятью младшими братьями и сестрами. Другая бы отчаялась, во все грехи смертные пустилась или руки на себя наложила. Но не такая наша Акулина. Поплакала она, погоревала, да все в доме взяла в свои руки: троих старших мальчиков к помещику отправила работать. С утра до вечера вкалывали они на чужого дядю, приходили поздно – валились с ног от усталости, но зато приносили в дом муку, пшено, молоко – кормили всю семью. Еще двоих помоложе на обучение определила к гончару (за харчи работали) – всё меньше голодных ртов в доме. Младшенькую, пятилетнюю Верочку,

к барину пристроила за их дитем присматривать. Трудно ей было, конечно, сама ведь еще малютка, но есть захочешь – быстро повзрослеешь и справишься. Остальные три девчонки по дому помогали: стирали, готовили, рубахи шили, штопали, уборкой занимались.

А что же сама Акулина?

Она организовывала жизнь большого семейства, строго следила за порядком, не позволяя никому распускаться или лениться, иногда наказывала непокорных детей: на горох за провинности ставила голыми коленками или била по попе ивовым прутиком. Так ведь для их же пользы, а не жестокости ради.

Ответственность на ней лежала огромная, поэтому сюсюкать с детьми ей было некогда, да домочадцы и сами ей перечь никогда не решались.

Зато с односельчанами, особенно с зажиточными, вела себя иначе: умела и улыбнуться, и польстить им. Сама Акулина никогда не работала: зимой на печи грелась, а летом сидела на скамеечке в палисаднике в чистом передничке и цветастом платочке, кота Наума, любимца своего, тискала да гладила или птичек кормила (сорок да ворон), цветочки-травки поливала (лопухи, одуванчики, крапиву-лебеду) да зазывала к себе проходящих мимо дорогих гостей:

– Проходите, гости дорогие, кушать к нам! Только есть-то у нас нечего.

Гости дорогие проходили в чистую горницу и видели

на столе вымытую, но пустую посуду (вся еда предусмотрительно далеко была убрана). Все жалели бедную красавицу-сиротку с девятью нахлебниками: кто хлебушка принесет, кто яблочек, а то и еще чего получше.

– Ой, Марусенька, какая ты беспардонная, – причитала Акулинушка, – все трудишься и трудишься, пардону не знаешь. *(В данной местности это слово имело другое значение – не знающая усталости – прим. автора)*. Вот ведь и корошушка твоя самое лучшее молочко дает, и пчелушки твои самый сладкий мед собирают, и сама ты такая ладненькая и миленькая, словно вишенка из твоего садика!

И вот уже несет Марусенька в корзиночке и вишенки, и молочко, и медок сахарный.

Так прожили они два года. И всё бы ничего, но только парень из соседней деревни положил глаз на нашу красавицу. Был он завидным женихом – сыном помещика, у которого братья и сестры Акулины подрабатывали (четверо из девяти). И так он влюбился, что задумал всерьез жениться на бесприданнице. Все товарки в один голос уговаривали ее принять предложение Ивана:

– Не дури, Акулька, выходи за него замуж, будешь всегда одета, сыта, да и детки пристроены.

Да только девушка их не слушала – не нравился ей парень, да и не только этот, вообще не интересовали ее мужчины да и никто особенно не интересовал, кроме нее самой. Жила себе в свое удовольствие, даром что семеро по лавкам – так

и не мешали ей дети:

– Молчать, окаянные. Вот расшумелись! Брысь на печку! Глашка, полы подмети, а ты, Дунька, не стой столбом – стол накрой, – вот и весь разговор – не забалуешь.

Итак, замуж выходить Акулина не собиралась, но голову Ваньке не прочь была задурить. Танцевать любила наша Акулина Егоровна: то с одним в кадрили закружится, то с другим захороводит – смеется, глазками стреляет направо-налево.

Вот Ванька и приревновал: взял ружье охотничье, зарядил мелкой дробью и отправился убивать обидчицу – прямо во время народного гулянья в честь дня Ивана Купалы ворвался зверем диким в центр хоровода да и выстрелил в зазнобушку свою – в ногу попал. Убить не убил, а покалечил. С тех пор Акулина на правую ногу прихрамывала.

Думаете осудили Ваньку? Ничуть не бывало! Наоборот, люди стали судачить:

– Придется Акульке теперь замуж выходить за ревнивца, а то нога всю жизнь будет болеть, да и к лучшему это.

Акулина так и поступила. Не подумайте, что людской молвы побоялась, была она независима от чужого мнения, просто и правда верила в то, что ранение – это знак, посланный ей свыше.

В селе том замужнюю женщину принято было звать по отчеству, теперь ее иначе как Ягоровна не называли.

Жизнь Ягоровны с замужеством изменилась мало, разве что переехала она жить в хозяйский богатый дом и сестер

с собой взяла, Наума, само собой, тоже, а братья ее больше не заботили. Одеваться стала красиво, дорого, есть вкусно – «от пуза» – ни в чем себе не отказывала.

Привычек своих не изменила: девок била и эксплуатировала безбожно; с родителями мужа ругалась, посуду в них швыряла даже, если они ее критиковать пытались, а с мужем дрались почти ежедневно, когти специально отрастила, чтобы царапаться побольнее.

Иван терпел сначала, а потом надоело это ему, и стал он жене изменять – по девкам таскаться.

Но недолго это продолжалось. Однажды все домочадцы сели за большой стол обедать, только Ивана не было, он у очередной своей крали прохлаждался. Ягоровна вдруг помириться решила со всеми: сама обед приготовила, сама горилки свекру и свекровке в чарки наливала, подносила, угощала, кланялась даже да подливать не забывала.

А к утру померли старики горемычные – отравились горилкой, видно. А кто в те времена проверять стал бы? Сразу слухи поползли по округе – все Ягоровну подозревали. А она первое время вела себя скромно: в траурную одежду обрядилась, плакала на людях, причитала – скорбь изображала.

Иван поначалу, поддавшись эмоциям и подозрениям страшным, избил Акулину, убить грозился, но увидев скорбь ее неподдельную и смирение даже, смягчился и решил, что ни при чем тут его жenuшка.

Некоторое время жили они душа в душу, Иван про своих

девок думать забыл. Но однажды пошли они вместе в баньку попариться. Уж как им было сладко и весело вдвоем, да только жарко стало Ягоровне, решила она выйти во двор подышать прохладным воздухом.

– Подожди меня, соколик мой, квасу тебе принесу, вернись скоро.

Уж через какое время вернулась – одному Богу известно, но только, надо ж такому случиться, нашла она своего суженого умершим: лежал на лавочке смирёнонько – сердце остановилось. Угорел, наверное?

Так Акулина осталась одна с годовалой дочкой Машенькой – успел Ивашечка память о себе оставить.

Еще пуще односельчане шушукаться стали, опять Ягоровну в убийстве заподозрили, да только за глаза они судачили – боялись женщину. А она ни с кем и не зналась, на поклоны фырканьем отвечала и нос свой длинный крючковатый от всех воротила. Машенька настоящей ведьмой росла (вот уж яблочко от яблони далеко не падает). Капризная, сердитая вечно, своенравная; даже мамашу свою грозную переплюнула, ну а та в кровинушке своей души не чаяла – всё позволяла ей, любую прихоть исполняла.

Жили они в мужнином богатом доме, горя не знали, сестры им прислуживали, братья землю пахали, за скотом приглядывали.

Но мало было деятельной бабе этого, решила она у себя куриную ферму открыть: набрала работников, построила ку-

рятники – всю деревню батрачить на себя заставила. И дело ее процветало, и деревенские благодаря ее энергии стали жить богаче. Все бы ничего, да не любили Ягоровну деревенские, завидовали, кличку ей придумали Баба Яга – Костяная Нога. Холопы неблагодарные!

Конечно, она ни с кем не церемонилась, особенно двух вещей не переносила: пьянства и лени.

Если кого застанет за выпивкой, наказывала жестоко: ставила провинившегося на колени, связывала ему руки и в рот целую бутылку горилки вливала (не сама, конечно, охранников держала), за опоздание или нерадивость увольняла сразу, не заплатив за работу – уговоры не помогали.

Вот однажды собрались односельчане и решили отомстить грозной бабе: наняли они двух разбойников-убийц и порешили сжечь Бабу Ягу с дочкой Машенькой в своем доме заживо. Пришли наемники к дому поздно ночью, двери, окна плотно закрыли да и подожгли дом, вмиг сгорело все, даже дощечки не осталось. Только не знали они, что каждую ночь Баба Яга ходила вместе с дочерью и котом любимым в лес на заветную полянку. Там в полночь они рвали дурман-траву, мухоморы собирали и готовили чудодейственный порошок – в ступе специальной траву протирала баба, а девочка метелкой следы заметала. Порошок этот силы придавал немереные одинокой, никем не понятой сильной женщине. Это потом уже кто-то решил, что летает она на ступе, а помелом погоняет. Странные люди! В сказки глупые верят.

Нет чудес на свете и не было!

Короче, живы остались голубушки наши. Пришли домой, а там уже и головешки догорают. Всё поняла Костяная Нога, но мстить никому не стала.

Пришла на ферму, убила всех куриц и петухов, ножки отделила, остальное выбросила. Посыпала ножки порошком своим чудесным и повезла в город продавать. Так ведь раскупили все, да такую цену высокую заплатили, что взяла Баба Яга все деньги, вырученные от продажи, и построила на своей заветной полянке славную избушку, «на курьих ножках», стало быть. А чтобы ей никто из рода людского не надоедал, птиц подкармливала регулярно: столько к ней всякой нечисти слеталось (вороны, галки, совы, орлы, грифы) – страшно стало к избушке приближаться.

Слухи поползли по округе, что воскресла Баба Яга и с нечистой силой скорефанилась, и избушку себе построила на двух куриных ногах. Олухи, они и не видели ее никогда, слышали что-то, а остальное додумали по своему разумению.

Так и жила Баба Яга с Машенькой и котом Наумом – никого не трогала, никому не мстила да и видеть никого не желала.

А то, что дети иногда пропадали в округе, так это только тогда, когда доченьке становилось скучно одной.

– Хочу с детьми поиграть! Надоело кота гладить да за воронами гоняться!

Вот и случалось нечасто, по настроению, то в одной деревне Ванечка пропадет, то в другой Настенька с Мишенькой. Только неправда это, что ела она малых детушек – не ела и в печи не запекала. Просто как наиграется Машенька с детками, выводит Баба Яга их за пределы своего владения, а там уж как получится.

Вот, Хаврошенька, например, зачем к медведям пошла? Кто просил? Они ее и помяли немножечко, так сразу слухи поползли:

– Баба Яга мстит за поджог, детей наших калечит или в печи запекает.

А Баба-то наша Яга живет себе – никого не трогает, вегетарианскую только пищу потребляет, потому и худая такая, лечится травами да кореньями, стихи пишет да иногда в гости зовет Кощея по прозвищу Бессмертный – такого же, как и она, отшельника одинокого, не понятого никем старика.

А сколько же лет Бабе Яге?

Да разве же у женщин спрашивают про это?

Было мало, стало много, будет еще больше: сколько есть – всё ее.

Царица золотых земель

Мария Лазаревская

Её власть была настоящей, неиллюзорной и без неё действительно не могли обойтись. Она же не расточала понапрасну царские милости и никогда не соглашалась действовать там, где не позволяли условия, хорошо зная цену игре не на своём поле. Конечно, простой люд, серые крестьяне, обделённые благами образования, пытались относиться к ней, как к богине, полагая, что она избавит их от голода и печалей, но в таком случае она оставалась глуха к мольбам. Не могло её царство простираться дальше известного градуса широты, и не менее важны были земли – только просторные и плодородные! И только готовые разродиться отборным золотом. Те люди, кто блюли законы, данные свыше, получали свою награду: сытые времена для всех, для людей и скота. И обязательно осенью устраивали праздник в её честь. Не то чтобы она нуждалась в хвалебных песнях и знаках почтения, но проехать по всей стране было интересно. Когда-то бывшая иностранкой, она привязалась к нынешнему своему народу.

Бывало, её и боялись. Её и её детей. Ну на то она и царица, правда? Каких только историй не рассказывают о разных властителях – героических, похабных, волшебных. О ней

была одна страшная, и самое пугающее было в её достоверности. А может, и враки всё это, любят люди себе нервы пощекотать.

Но больше всё-таки любили и уважали. И вот сейчас она, чуть волнуясь (а пора бы уже и привыкнуть!) и даже слегка трепеща под свежим осенним ветерком, ждала начала праздника. Скоро её богато украшенная повозка выкатится на очередную деревенскую площадь и со всех сторон грянет приветствие. Сначала нестройно, а потом всё более и более ритмично, чтобы продолжить уже как один человек. Как множество зёрен, составляющих початок, её подданные объединятся в любви к ней.

И кажется, весь мир будет скандировать её имя:
– Царица полей – ку-ку-ру-за!!!

Бирна

Мария Дроздова

Сквозь дикий лес, ломая ветки и кусты, прорывалась огромная бурая медведица. Шумно дыша и подволакивая задние лапы, она тяжело бежала, не останавливаясь ни на секунду. Сердце бешено ухало, горячее дыхание, смешиваясь с хрипом, рвалось из пасти. Бирна уже видела колонну людей, как вдруг над её головой грянул гром, и толстая кривая лапа неуклюже зацепилась за осколок валуна, торчавший из прелой земли. Медведица, растеряв последние силы, всей тушей рухнула на мягкий ковер опавшей хвои. Несколько раз она судорожно вдохнула и затихла...

Однажды на берег старого озера пришло племя зверей. Могучих ростом и широких в плечах. Их предводительницу звали Бирна, что значит «медведица». И была она самая сильная и мудрая из них. Уже много дней и ночей племя шло сквозь лес, обдирая бока о шершавые стволы деревьев, царапая морды о сухие сучья, прорезая лапы острыми краями камней, вросших в тропы. Усталые и измученные, они приникли к прохладным водам озера и принялись жадно пить так долго, пока жажда не покинула их. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как в их дома пришли люди и громовыми палками, изрыгающими огонь, прогнали зверей прочь,

в холодный лес. И сейчас, когда Бирна привела своё племя к озеру, решено было остаться на его берегу, чтобы однажды назвать это место новым домом.

Люди пришли к ним с подарками и мирными речами о добром соседстве, прося зверей позволить им остаться жить рядом. Всегда суровая и осторожная Бирна с недоверием смотрела на послов, принесших роскошные дары. Зачем нужны зверям соболиные и лисьи меха, когда их собственная шерсть была настолько хороша, что спасала и от зноя, и от холода? Для чего им могло понадобиться трофейное оружие, когда их когти и клыки были опаснее любого кинжала? Но двое старейшин, что до того всегда были верны своему племени, польстились человеческим богатством, и попытались уговорить Бирну довериться чужакам. Стоило медведице отвергнуть дары и уговоры послов, стоило ей просить людей покинуть звериное племя, как пришли свирепые воины, облаченные в железо и в руках каждого из них были пламя и гром. Старейшины бежали первыми. Как бы яростно и отважно не сражались звери, защищая свой дом, но людская злость победила. В тот день многие не смогли больше стоять на лапах и навсегда остались лежать под обломками своих жилищ. И всё же большую часть племени Бирне удалось увести тайными тропами, подальше от догоравшего пепелища. Два дня и две ночи звери шли молча, уходя глубже в лес. И когда разведчики поймали тех старейшин, что возжелали людского богатства, Бирна сама разорвала им глот-

ки и оставила на мягком лесном песке, мгновенно ставшим влажным и красным. Прошло больше пяти недель, прежде чем племя вышло к тому самому озеру.

Новый дом – новые правила. Больше звери не подпускали к себе чужаков, любые речи о том, чтобы сдаться людям, если те придут вновь, сурово карались. Так решила Бирна. А ещё она решила, что если снова встретит человека, то разорвет его, не раздумывая ни секунды.

Но однажды прохладным весенним вечером, когда племя вновь отстроило дома и дворы, когда каждый уже мог засыпать под собственной крышей, у теплого очага, к берегу озера прибило обломки лодки. К одной из досок был привязан деревянный ящик, а в нём звери нашли бесформенный свёрток, обмотанный обрывками ленты. Развернув его, они увидели крохотное сморщенное личико и такое же тельце, чуть тёплое и почти недвижимое. Когда к ящику, глухо рыча, подошла Бирна, остальные звери испуганно расступились и замерли, ожидая страшного приказа. Казалось, младенец и сам понимал, что его ждёт, а потому совсем затих и почти перестал дышать. Но стоило Бирне склонить лохматую морду над странной колыбелькой, как воздух разрезал пронзительный плач, полный отчаяния и мольбы. Бирна отпрянула в сторону, шумно втянула носом воздух и изрекла:

– Найдите ему кормилицу. И заверните в шкуры. Посмотрим, выживет ли.

Найденыш не просто выжил, а окреп и стал расти

не по дням, а по часам, набираясь сил и здоровья. А ещё найденыш оказался девочкой. Спустя несколько месяцев, убедившись, что ребенок будет жить, ей дали имя – Урсула.

Шло время, девочка росла, впитывая звериные привычки и повадки. Вместе с остальными детенышами она училась охотиться, быстро бегать, прятаться в лесу, искать съедобные ягоды и коренья, варить лечебные зелья из трав, что росли под ногами. Урсула вбирала в себя мудрость племени так быстро, что казалось, будто сама она случайно была рождена человеком и душа её была на самом деле медвежьей.

Все эти годы Бирна присматривала за малышкой, понимая, что теперь больше остальных ответственна за жизнь человеческого ребенка. Изю дня в день медведица учила Урсулу любить своё племя и ненавидеть людей. И чем старше становилась девочка, тем чаще она, глядя в зеркальную гладь озера, видела, что всё меньше похожа на маленького звереныша. Иногда по вечерам, подобравшись под теплый мягкий бок Бирны, Урсула спрашивала:

– Матушка, когда же у меня отрастут клыки? Неужели я еще слишком мала? На моём теле почти нет шерсти, мои когти слабы и быстро стачиваются.

И каждый раз Бирна гладила девочку по голове огромной, тяжелой лапой и обещала, что придет время и Урсула обязательно станет такой же большой и сильной медведицей, как и её матушка.

Прошло еще несколько лет. Новые дети, родившиеся

в племени, уже не знали тягот прежней жизни. Племя множилась и процветало. Урсула стала высокой и сильной женщиной. Гибкой и ловкой. Не было никого среди молодых медведей, кто мог бы сравниться с ней по храбрости и выносливости. Бирна с молчаливой гордостью наблюдала за той, что вырастила как родную дочь. Меж тем шерсть медведицы уже изрядно поредела и стала отливать пятнами проседи.

Как бы Бирна ни оберегала племя, как бы ни верила в благоразумие своей приёмной дочери, но однажды в лесу появился ещё один человек. Урсула нашла его у старой сосны. Кровь сочилась из рваных ран, сознание его, спутанное и горячее, было где-то далеко. Девушка не знала, откуда он пришел, что за зверь на него напал, не знала, выживет ли чужак. Но одно она знала точно: впервые она видела существо настолько схожее с ней. Решив сохранить свою находку в тайне, Урсула первым делом промыла и обработала раны пришельца. Из веток деревьев соорудила над ним временный шалаш. И стала навещать к нему каждый день.

Прошло примерно девять дней, прежде чем человек смог ясно выражать свои мысли и вставать, не боясь головокружения. Ещё через несколько дней они смогли сносно общаться, ища схожие жесты и звуки в речи. Сидя в шалаше, боясь развести даже крохотный костер, они с любопытством изучали друг друга, как малые дети. И вот к моменту, когда чужак полностью поправился и набрался сил, Урсула поняла, что страшно боится его отпускать, словно вместе с ним уй-

дёт и часть её. Но всё же, как человек ни звал её с собой, рассказывая об огромном мире людей и его чудесах, Урсула, мысленно сжавшись, простилась и больше никогда не возвращалась к тому шалашу.

Как и в первый раз, люди появились неожиданно, зайдя с подветренной стороны. Сполохи молний, раскаты оружейного грома и грубая брань прорезали ночной воздух. Но в этот раз звери смогли противостоять людям, Оружие больше не пугало их и медведи бросались на людей, погребая под собой хрупкие тела.

Урсула сражалась наравне с воинами племени. Сейчас она не видела в людях никого схожего с собой, она видела лишь кровавый оскал тварей, пришедших убить её близких. Рядом, поднявшись в полный рост, яростно ревели Бирна, сметающая людей, круша всё вокруг. Вот она, такая сильная и надёжная. Урсуле нечего бояться, племя не погибнет, пока огромная бурая медведица так неистово бьётся за него. Но внезапно девушка вздрогнула, обмякла и стала медленно клониться к земле. Чьи-то руки подхватили её и потащили в сторону леса. Очнулась Урсула уже утром. В затылке сильно ломило так, словно череп лопнул. Её везли в телеге, закидав сверху сосновыми ветками. Рядом с телегой шагал тот самый чужак, которого однажды она спасла и отпустила с миром.

– Я... здесь... забрать... тебя. – Это всё, что Урсула смогла разобрать. За недоумением пришел ужас осознания собственной вины за всё случившееся ночью. Из года в год Бир-

на предупреждала её о людях, из года в год учила, как надо поступать с ними. Но Урсула подвела мать. Она подвела всё племя. Слезы, бессильная злоба, боль во всем теле и страх за деревню навалились на неё, вдавив в дно телеги.

Когда после окончания сражения Бирна поняла, что дочери нигде нет, она бросилась в лес, вынюхивая следы десятков людей, ища единственно нужный, родной запах. И очень скоро она нашла его...

Сквозь дикий лес, ломая ветки и кусты, прорывалась огромная бурая медведица. Шумно дыша и подволакивая задние лапы, она тяжело бежала, не останавливаясь ни на секунду. Сердце бешено ухало, горячее дыхание, смешиваясь с хрипом, рвалось из пасти. Бирна уже видела колонну людей, как вдруг над её головой грянул гром, и толстая кривая лапа неуклюже зацепилась за осколок валуна, торчавший из прелой земли. Медведица, растеряв последние силы, всей тушей рухнула на мягкий ковер опавшей хвои. Несколько раз она судорожно вдохнула, дёрнулась и затихла...

Человек, только что говоривший с похищенной девушкой, опустил дымящееся ружьё и довольно усмехнулся. Но стоило ему повернуть голову к своей пленнице и увидеть её лицо, как улыбка медленно скривилась в гримасу ужаса. Вновь вскинув ружьё, он попытался выстрелить, но огромная когтистая лапа рассекла воздух и полоснула его по голове. Фонтан красных брызг и куски кожи взлетели вверх, и дикий испуганный вопль пронёсся над лесом, заглушаемый рычани-

ем и хрустом ломаемых костей...

Урсула не помнила, кем была раньше. Она не знала, почему оказалась в той телеге и как люди не заметили её. Она не понимала, почему ей улыбался тот человек с ружьём. Урсула помнила лишь то, как споткнувшись на бегу, Бирна рухнула на землю, затихла и больше не встала. В тот же миг где-то в самом нутре Урсулы затрещали, расходясь в стороны и становясь больше, все её кости. Она почувствовала, как её некогда мягкие пальцы прорезают лезвия когтей, как из глотки рвётся утробный рык, а пасть её вытягивается и заполняется рядами длинных клыков.

Когда похититель обернулся к Урсуле, чтобы похвастаться своей меткостью, из телеги перед ним, поднимаясь на задних лапах, медленно вырастала огромная бурая медведица. И это было последнее, что он видел.

Молодая медведица появилась в деревне у берега озера совсем неожиданно. Звери вышли к ней, настороженно нюхая воздух. Но такой знакомый запах неожиданно заполнил всё вокруг и радостный рык пронёсся над лесной тишиной.

Племя снова выжило. И снова оно отправилось в путь. Больше не было рядом мудрой и решительной Бирны. Но племя не стало слабее. Теперь впереди шагала сильная и уверенная Урсула, уводя всех дальше в глубь лесов, туда, где их уже никто и никогда не найдёт.

Матушка Эйлис

Жюли Торш

Далеко на востоке жила некогда матушка Эйлис. И все в округе знали, что нету её добрей и отзывчивей. Каждый день проходили мимо ее жилища путники, и всех она была готова обогреть, накормить, приютить – никому не отказывала, будь то лиссиец, бимир или даже чужак из-за моря.

Долгие годы творила добро матушка да за скитальцами приглядывала. Даже когда много гостей было в доме Эйлис, удавалось ей найти уголок для каждого, каждого обогреть, успокоить, чтобы не ссорились столь отличные друг от друга путешественники. Хозяйством своим управляла матушка мудро и уверенно, всегда закрома ее были полны, стада многочисленны, а сады благоухали ароматами дивных цветов и фруктов.

Разошлась молва о госпоже Эйлис от Когтистых скал до самой Ариды и Риана. Начали к ней стекаться люди уже не просто прохожие, а те, кому любопытно было с самой хозяйшккой познакомиться да потолковать.

А как услышал о матушке один из вождей бимирских, так и стал хвастать, что то его сестрица по матери. Не по нраву ей пришлось эта выдумка, написала она ему в ответ письмо гневное. Обиделся вождь и решил отомстить Эйлис. Ночью

пробрались люди его вероломные, замки на амбарах сломали, припасы вынесли, часть скота увели. Проснулась матушка от шума-гама, подняла гостей и домочадцев, вместе они сумели отбить нападение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.